

идеи, мифы и программы социальных преобразований : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–27 октября 2018 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 304–316 (а).

Фельдман М. А. Отклик на материал «Влияние коллективизации на судьбы России в XX в.» (Российская история. 2018. № 4) [Электронный ресурс] // Форум ученых-историков. URL: <http://российская-история.рф/forum> (дата обращения: 15.12.2019) (б).

Фельдман М. А. Трудовые конфликты на промышленных предприятиях Уральской области в «юбилейный» год советской власти: проблема взаимоотношений власти и рабочих в 1927 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 115–127.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930 г. В 2 ч. Ч. 1. М. : Партиздат. 1935.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Свердловский обком ВКП (б).

Шпотов Б. М. Модернизация и торможение как характерные черты советской индустриализации. Конец 1920-х – 1930-е гг. // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург : Ин-т истор. и археол. УРО РАН, 2006. С. 285–287.

УДК 94(47).01/02(093)

А. М. Харитонов

ЛЕТОПИСИ И ДРУГИЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Современная историческая география Древней Руси подпала под жесткий диктат геополитических установок исторического мышления Нового времени. По этой причине в ней накопилось множество ошибок, которые негативно влияют на развитие смежных научных дисциплин.

Ключевые слова: летописи, Аристотель, Древняя Русь, историческая география, Куява, Арса, Славия.

Если сопоставлять значимость географических сведений исторических источников по географии Древней Руси, то в исторической науке их построение по ранжиру будет выглядеть примерно следующим образом: наиболее значимыми признаются скандинавские, затем западноевропейские, еще ниже ставятся византийские источники и отечественные летописи, а замыкать список должны сведения восточных ученых.

С точки зрения современной географической и картографической науки это выглядит странным, если сопоставлять общегеографическую картину мира, которую в средние века давали западная и восточная

точная науки, в том числе географическая. Ведь на тот момент наиболее передовой была как раз восточная наука, перенявшая в числе прочего и общегеографические знания античности, а также передавшая их в готовом виде ученым европейским. Так что на самом деле историческая наука предлагает нам географию Отечества, которую она перевернула с ног на голову.

Не по этой ли причине современная историческая география в настоящее время все более переходит в «подвешенное» состояние? Ведь историки по традиции продолжают считать ее вспомогательной исторической дисциплиной (хотя, похоже, уже далеко не все), а географы считают вполне самостоятельной научной дисциплиной на стыке истории и географии. Подобный разнобой во взглядах отрицательно сказывается как на исторической географии, так и на науках, опирающихся на ее основные положения, внушенные исторической наукой.

На наш взгляд географы, если историческая география является вспомогательной дисциплиной, то она должна заниматься только подбором материалов по наличию отдельных топонимов, этнонимов и тому подобных объектов в историко-географической литературе и заниматься их сопоставлением и классификацией. Толкованием же географического положения и сопутствующих компонентов должны заниматься уже другие науки, в числе которых историческая наука не должна подменять собой науку географическую, как происходит в повседневной практике исторических исследований.

Налаживание взаимодействия между исторической и географической науками на географическом поле может стать одним из дальнейших условий существования самой исторической географии. Продвижение в историческую науку общегеографических и картографических знаний должно стать другой ее важнейшей задачей. Но для этого историческая география должна становиться на ноги, невзирая на возражения историков.

Важнейший аспект современной исторической географии – сведение вместе положений искусственно разобщенной историками и востоковедами средневековой географии Древней Руси в отечественных летописях. Именно здесь находится ключ к решению ряда исторических загадок отечественной истории. Но для этого необходимо, чтобы ее ряды пополняли еще и географы, а не только историки и переводчики с иностранных языков, как это имеет место в настоящее время.

Суть в том, что географическая наука античности оставила в наследство средним векам свое представление о климатических зонах, в которых только и могло обитать тогдашнее человечество. Так вот, согласно этим представлениям, освященным среди прочего не толь-

ко непогрешимым Аристотелем, но и принявшей его взгляды господствующей религией, территории современной Скандинавии, Древней Руси и даже «хорошо известной» историкам Средней Азии на самом деле представляли собой «белое географическое пятно» да еще и с отсутствием здесь какого-либо населения.

В этом легко убедиться по наличию (точнее, отсутствию) географических карт этих территорий. Ведь карты Скандинавии официально появляются не ранее 1424 г., а карты центра и севера Русской равнины еще примерно на столетие позже [см.: Багров]. Ничего удивительного: ведь именно эти территории и арабская географическая наука (наиболее передовая для раннего средневековья) считает «незаселенными землями севера», располагая их севернее реки Дон. Да и контуры Каспийского моря приобрели близкие к современным очертания только после русских экспедиций в эпоху Петра I, хотя ранее были таковыми еще на карте Фра Мауро на заре Великих географических открытий.

Те же арабы, обнаружив обитаемость экваториальной зоны земного шара, не стали на этом основании отвергать необитаемость приполярных областей, которые даже на приписываемой Птолемею карте располагаются чуть севернее Причерноморья. А ведь эта карта не считалась устаревшей даже в XV веке! Впрочем, картографы в лице нашего соотечественника Л. Багрова не считают, что эта карта создана во II веке, а относят ее к более позднему времени. Ведь даже изображение на данной карте Азовского моря больше похоже на его действительные контуры в эпоху высокого стояния океанских вод в IV–X вв.

Но вот только историки принципиально не читают не только произведений географов, но и не заглядывают в соответствующие разделы картографических изданий, а больше доверяют словам своих коллег, которых сами же и объявили классиками исторической науки. Именно эти классики отвергли в новое время знания Аристотеля, сочтя многие из них ошибочными, в том числе географические (что соответствует истине), но, не подумали, что прежние классики религиозной науки пропагандировали свои знания только в пределах, разрешенных церковью, и никак не могли выходить за данные рамки, поскольку все, что не соответствовало тогдашним официальным научным представлениям, было очевидной ересью для всех образованных людей того времени!

Попробуем с этой точки зрения рассмотреть географические связи средневековой географии на примере трех центров Древней Руси в восточных источниках. Из них лишь Куява–Киев не вызывает сомнений у историков в качестве центра Древней Руси на месте современной столицы Украины.

Мы же обратили внимание на сходство второго центра Арты (Арса) со скандинавским термином Гарды (считается Русью) и тюркской Ордой. Любопытно также сравнить эту арабскую часть Руси и с наименованием хазарской гвардии – ларисии, арсии (возможно, из искаженного переводом и последующими переписываниями «эль – арсии»?).

Если учесть, что на военной службе у хазар находились преимущественно тюрки, то наименование гвардии от Орда (Арта–Арса) получается вполне закономерным. Ведь *ordu* в древнетюркском означает и «военная ставка» [Сравнительно-историческая грамматика, с. 728]. Да и круглогодично кочевать тамошние орды могли только где-то у границ Хазарии в Предкавказье. Ведь все остальные части Русской равнины не годятся для зимнего кочевания из-за глубокого снега, что отмечал еще Л. Н. Гумилев.

Но где искать Славия – третий центр? Наш коллега-географ как-то обратил внимание на наличие неких Славий (чаще – Склавинии) в качестве славянских государств Балканского полуострова, хорошо известных европейским ученым того времени.

Этого оказалось достаточно, чтобы вспомнить о существовании отечественного географического источника, где болгарские и валашские города названы Русью [Тихомиров]. Более того, столицей крупнейшей Славии (Дунайская Болгария) был одно время город Преслав. Таким образом, удастся скомпоновать средневековые разрозненные знания в единую географическую систему. В этой системе восточная география знает три части Руси, а скандинавская только одну.

При этом в данной системе имеется очевидная географическая ошибка, но предлагая ее, автор-географ был уверен, что историки не обратят на нее должного внимания, так как обычно пренебрегают географической картой. Дело в том, что столица Украины и сегодня не является причерноморским городом, а не только в рамках географии средних веков. Избежать противоречия удастся, если считать, что летописный Киев был расположен где-то в другом месте. А ведь еще дореволюционные астрономы заметили несоответствия в описании в «Повести временных лет» астрономических явлений (затмений) для современной столицы Украины с действительно имевшими место в среднем течении реки Днепр.

Этот удивительный результат был списан на заимствованный характер русского летописания. Но так ли это? Никто так и не удосужился проверить возможность существования летописного Киева в ином месте по данным затмений. А ведь и хроника Георгия Амартола (или ей подобные) вполне могла бы быть написана в какой-нибудь ссылке

на северных берегах Черного моря, куда обычно ссылали слишком активных деятелей церкви в Византии.

По нашему мнению, место летописного Киева – на Русской реке восточных источников. По мнению араба Идрили (мы с ним солидарны), река эта – Кубань, хотя историки упрямо называют и связывают эту реку с Доном. Между тем река Данаприс у Константина Багрянородного почему-то не названа Борисфеном, как было принято в античной географии. Да и в ряде отечественных летописей река Днепр обладает тремя устьями. Похоже, что Данаприс есть еще одно из многочисленных названий реки Кубань, для которой можно отыскать именно три устья (у предлагавшегося на место Данаприса Дуная античная география отмечает обычно не менее 5–6).

Если считать правильными сведения араба Аль Хараки, что морем варанков (варягов) является Азовское, то географическая картина складывается явно иная, чем преподносят нам историки. А ведь уже А. Г. Кузьмин подметил наличие на берегах «Балтийского» моря у средневекового хрониста Адама Бременского явно инородных для Балтики алан и ряда других народов азовского побережья [см.: Галкина].

Наши выводы, похоже, подкрепляют данные хроники Литовской и Жмойтской от 1272 г. про «...русских княжат, которых панство было от мора Каспийского або Перского, которого зовут Фалимским, аж до мора Черного, Турецкого...» [ПСРЛ, т. 32, с. 23].

Современные исследования В. А. Курбатова ([Курбатов] и др.) подтверждают высокую вероятность перемещения топонимов вслед за перемещениями их носителей на новые места обитания, и от этого никуда не деться. Можно сколько угодно отмахиваться от подобной географии, что никак не повлияет и на приведенные автором географические факты. Однако, если перестроить реальную географию средних веков с учетом этих географических знаний, то это помогло бы избежать большинства ненужных ошибок некоторым новым формирующимся методам исторических исследований, например, на основе данных генетической антропологии (исследовании митохондриальной ДНК).

Но если место исторической географии на стыке истории и географии в реальной исторической науке вакантно, то какой из наук оно на самом деле принадлежит? По нашему мнению – геополитике, при этом в том самом отрицательном значении, которое придавала этому направлению еще советская историческая и географическая наука.

К сожалению, отечественные историки даже антинорманистского направления не подвергли серьезному критическому анализу географические воззрения норманизма. Ведь они их полностью устра-

ивали. Не устраивали только незначительные детали в освещении истории России, совсем как при возникновении новых течений при расколе уже существующих религий мира.

Таким образом, серьезный историко-географический анализ нашей ранней истории, зафиксированной летописями, невозможен без вмешательства в нее общегеографических принципов не только нового времени, но и античности и средних веков. В противном случае, по принципу «испорченного телефона», попытки развития новых наук на основе устаревших географических взглядов классиков исторической науки приведут лишь к умножению уже накопившихся ошибок, и не только географических.

Багров Л. История картографии. М. : ЗАО Центрполиграф, 2004.

Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М. : Вече, 2002.

Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). М. : Изд-во Эксмо ; Изд-во Алгоритм, 2005.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М. : Наука, 1975.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. : Наука, 1997.

Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 214–259.